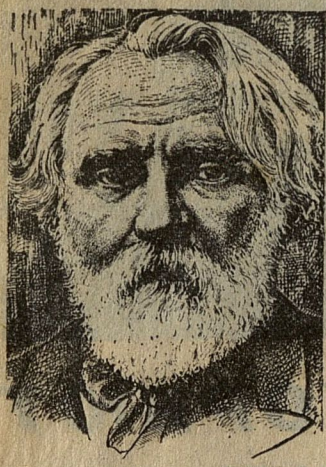

207

К 100-летию со дня смерти И. С. Тургенева

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ЗАНОВО

У любого из нас свой Тургенев. О своем Тургеневе я и буду писать. Вероятно, все же окажется субъективным. Дело в том, что со школьных лет Тургенев — мой любимый писатель, а любовь объективной не бывает.

Сегодня мы пишем письма редко и неохотно. Но нам повезло — в тургеневскую эпоху телефон еще не был изобретен.

После Тургенева осталось больше пяти тысяч писем. Огромная, во многих томах, история человеческой души. По письмам видно, как он жил, что думал, с кем дружил, к чему готовился.

Если употребить нынешний штамп, «доброего пути» в литературу ему пожелал Белинский. Тургенев развивался и мужал в одной компании с Герценом, Гончаровым, Некрасовым, Григоровичем, Грановским. Классики, сплошь классики!

Надо уметь выбирать друзей.

Но давайте забудем про бородатые портреты на стенах библиотек. Ведь ничего этого и в помине не было!

Студент дружил со студентами, молодой человек водил компанию с молодыми людьми. Да, Грановский и Станкевич оказались влиятельными деятелями в том единственном смысле, что их влияние на литературу было огромно. Но кто бы предполагал это в тот вечер, когда Тургенев сидел с Грановским «в большой и пустой его комнате, за шатким столиком, на котором вместо всякого угощения стоял графин воды и банка варенья»? И будущие классики были в ту пору неизвестными.

Надо уметь выбирать друзей!

В 1840 году Тургенев (ему нет еще двадцати двух) пишет Бакунину: «Нак для меня значителен 40-й год. Как много я пережил в 9 месяцев. Вообрази себе — в начале января скачет человек в кибитке по снегам России. В нем едва началось брожение, его волнуют смутные мысли; он робок и бесплодно-задумчив... В Риме я нахожу Станкевича. Понимаешь ли ты перевернут или нет, начало развития моей души».

Почти через тридцать лет Тургенев напишет об этой поре, о поездке за границу:

«Мне необходимо нужно было удалиться от моего врага затем, чтобы из самой моей дали сильнее напасть на него. В моих глазах враг этот имел определенный образ, носил известное имя: враг этот был — крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил все, против чего я решил бороться до конца, с чем я поклялся никогда не примиряться... Это была моя аннибаловская клятва».

К началу «Записок охотника» развитие души в основном закончилось, под влиянием ученья, книг, друзей личность на редкость глубокая наконец сформировалась. Великий писатель сложился.

Оставалось написать великие вещи.

1856 год. Ивану Сергеевичу тридцать восемь лет. Пять лет назад окончены «Записки охотника», через пять лет появятся «Отцы и дети». «Рудин». «Дворянское гнездо», «Накануне», «Ася», «Первая любовь» — все вмещает это десятилетие. Похоже, именно тут вершина жизни. За спиной богатый опыт, в руках безукоризненное мастерство. Друзья ясны, враг ясен. Здоровья хватает, замеслов в избытке. Только работать, только не упускать идеальное для писательства время! Не упустит...

Сегодня, в эпоху всемирной славы наших классиков прошлого века, в эпоху миллионных тиражей и общепризнанности, нам нелегко представить в конкретные частностях литературный процесс той поры. А ведь тогда все было отнюдь не безоблачно и весьма неясно. Сейчас всемирная слава — а тогда многие ли, например, знали Гончарова не только в Париже или Риме, но, допустим, в Ярославле или Тобольске? Это сейчас милли-

онные тиражи Толстого — обычное дело, а тогда и пяти-тысячный был вполне престижен. Это сейчас Достоевский общепризнан, а тогда даже Добролюбов, хваля за направленность, высокой художественности за Федором Михайловичем не признавал.

Из мощной группы ярких талантов, вошедших в литературу в сороковые—пятидесятые годы, Тургенев первым завоевал не просто известность, а широкую, устойчивую славу. Начиная с «Записок охотника», он долгие годы был самым популярным, самым знаменитым писателем. Именно его проза вызвала к жизни ярчайшие произведения публицистической критики той эпохи: статьи Добролюбова о «Накануне», Чернышевского об «Асе», Писарева об «Отцах и детях»...

Тургенева читали и Тургеневым жили потому, что он этого полностью заслуживал — в течение нескольких десятилетий был духовным лидером времени. При этом, разумеется, не надо забывать, что ни Толстой, ни Достоевский вовсе не оказались в читательском мнении отодвинутыми на второй план: их период начался несколько позднее.

В Тургеневе была пушкинская широта — не зря он всю жизнь преклонялся перед нашим величайшим поэтом. С пушкинской свободой переходил он из жанра в жанр: роман, повесть, очерк, воспоминание, критика, пьесы, идущие до сих пор по всему миру. Стихи? Да, и стихи: поем же мы и сегодня «Утро туманное, утро седое»... Как и Пушкин, он был, если употребить тут современное слово, «интернационалист»: для него не было плохих народов, его книги населены героями разных национальностей, один из любимейших — болгарин Инсаров. Как Пушкин, он знал и чувствовал всю Россию — от неграмотных крестьян до молодых интеллигентов.

Тургенев замечательно писал о любви: его проза о «страсти нежной» по воздействию на читателя не уступала любовным стихам. Практически в то время в душах молодежи Тургенев, пожалуй, занимал место первого лирического поэта эпохи.

Но главная причина популярности заключалась в том, что Тургенев постоянно попадал в самую сердцевину общественных проблем — потому что наблюдал жизнь страны гораздо внимательнее, а понимал гораздо глубже, чем подавляющее большинство его современников. Отсюда постоянный жадный интерес к его творчеству. Отсюда и близорукие, но злые нападки на писателя.

Момент «Записок охотника» был счастливым: писатель и передовое общество совпали в оценке острых проблем дня. Дальше стало сложнее: выражаясь стилем современных спортивных репортажей, писатель «пошел в отрыв». Почти в каждой новой вещи открывал он новые типы. Если жизненность их обнаруживалась сразу, вещь объявлялась творческой победой, если через пятнадцать лет — клеветой. К счастью, четырех десятилетий творчества хватило, чтобы читающая Россия поняла и признала этот пророческий дар.

Впрочем, нельзя забывать, что в ту пору в России вовсе не один Тургенев был пророком: ведь рядом работали два гиганта — Толстой и Достоевский, видевшие многое в будущем с необычайной, пугающей ясностью, и крупнейшими писателями России двадцатый век признал именно их. Но Тургенев при жизни был популярнее.

Почему?

Видимо, дело в том, что его пророчества в ту пору были, если можно так выразиться, более конструктивны: он говорил не только о том, как жить нельзя, но и о том, как можно и нужно. Вспомним хотя бы знаменитых «тургеневских девушек», которых сегодня, без всякого на то основания, преподносят в воспитательных беседах в качестве послушных, благонравных стопроцентно примерных девиц. Ведь на деле это были подлинно революционерки в сфере человеческих отношений. С какой решительностью ставили они любовь выше условностей, рассудок выше предрассудка! Да и разве ограничивалась их роль областью любви? Рядом с героями тургеневских романов немислимо было оставаться невеждой, бездельником, уродливым холопом любого высшего общества. Самим

фактом своего существования они боролись за достоинство и свободу человека.

Но главное из «конструктивных пророчеств» великого писателя, пожалуй, все же не «тургеневские девушки».

Если бы Иван Сергеевич написал в жизни только одну эту книгу, он все равно занял бы место в первом ряду нашей классики. До сих пор «Отцы и дети» — как бы эталон «проблемного романа». Вроде бы все привычно — интрига, сюжет, частная жизнь частных людей, но какой узел конфликтов, какой острый и контрастный портрет эпохи!

Роман читается до сих пор — но это умеренная похвала. Век — для хорошей литературы не так уж много, и самые разные произведения современников Тургенева, от лирических стихотворений до многоактных пьес, перешагнули этот рубеж. Но спустя век вызывать непрекращающиеся споры способна только уникальная книга. При этом интересно, что мы спорим не только о проблемах романа, но и о его персонажах, прежде всего, конечно, о Базарове. Кто он? Что за личность? Циничный прагматик, равнодушный ко всему прекрасному, или умный работник, справедливо презирающий прекрасную болтовню?

Говорят, время все ставит на свои места. С «Отцами и детьми» такого пока не произошло: видно, для этой книги сто лет — не время. Тип Базарова продолжает развиваться.

Для русской словесности Тургенев сделал то же самое, что Петр Первый для русского государства: прорубил окно в Европу. Именно с него началась всемирная слава нашей литературы. Его первого начали широко переводить. Французские классики почтительно называли его учителем, немецкие критики в некрологах сравнивали с Гете.

Но Тургенев не был бы Тургеневым, если бы удовлетворялся только собственной популярностью в мире. Трудно назвать человека, который больше сделал для пропаганды русской литературы за границей. Важно отметить, что Тургенев стремился познакомить зарубежного читателя с книгами не только своих друзей, но и личных недругов — если книги того заслуживали.

Литературное новаторство требует, как правило, не только громадного таланта, но и могучего характера: неспровергать общепринятое трудно и творчески, и житейски. Века литературного процесса словно бы создали тип новатора: убежденность в своем призвании, готовность и даже стремление к борьбе, и публичной полемике, устойчивость к критике и дуэльное умение отвечать ударом на удар.

Байрон, Гюго, Маяковский рождены были новаторами: словно с кулаками бросались они на замшелые стены литературных догм — только каменные брызги в стороны!

Но воспитанный, деликатный, постоянно сомневающийся в себе Тургенев?

Да, Тургенев. Он не бил кулаком, он стучал в стену вежливо, как случайный гость в чужую квартиру. — а стена рушилась! Не опровергал, не декларировал, просто писал книги — открытия совершались словно бы сами собой.

Характера новатора у Тургенева не было. Видимо, талант новатора с лихвой перекрывал эту недостачу.

«Записки охотника» — естественные, будто написанные на одном дыхании, — не просто книга и не просто открытие тем: это открытие жанра, который с пользой и славой прошел сквозь девятнадцатое столетие и оказался таким необходимым в нашу эпоху.

А романы Тургенева, короткие и упругие, вроде бы традиционные, «семейные», но при этом загадочным образом вбирающие еще эпоху со всей ее мудростью, горечью и иллюзиями? Кажется, при жизни автора их уже называли «проблемными».

К «Стихотворениям в прозе» автор не относился серьезно. Но вот они вышли — и рухнул еще кусок стены, и век спустя в пролом хлынул целый поток «лирической прозы».

Сколько литераторов во все времена стремились выглядеть новаторами! А оказывается, выглядеть новатором вовсе не обязательно — достаточно им быть...

Леонид Жуховицкий.